

Цецен Балакаев

ЧЕТЫРЕ ДАРА СТЕПИ

Притчи и легенды Калмыцкой степи

*Степь не говорит громко.
Она шепчет - ветром в ковыле,
скрипом верблюжьей арбы,
молчанием старца у потухшего костра.
Тот, кто останавливается
- слышит истину.*

Цецен Балакаев

Четыре дара степи. Притчи и сказания Калмыцкой степи

<https://litres.ru/74023758>

SelfPub; 2026

Аннотация

Степь не говорит громко. Она шепчет – ветром в ковыле, скрипом верблюжьей арбы, молчанием старца у потухшего костра. Тот, кто спешит, слышит только свист ветра. Тот, кто останавливается, слышит истину.

Эта книга родилась в белых кибитках, у солёных колодцев в ночи, когда Млечный Путь похож на аркан небесного всадника. Калмыки никогда не записывали своих притч и сказаний, а переливали их из уст в уста, как чай из пиалы в пиалу, чтобы не обжечься, но согреться.

Здесь собраны Четыре дара степи: терпение, которое древнее гор, молитва, которая легче пуха, но держит небо, легенда, в которой оживают бурханы, и тишина, где рождается утро. Эти истории не надо запоминать. Их надо почувствовать – как чувствуют росу босые ноги на рассвете.

Пусть каждая страница станет для тебя тем самым светлым утром, когда даже горечь солёного колодца превращается в мёд.

Степь помнит всё. А что помнит она – хранит эта книга.

Содержание

«ЧЕТЫРЕ ДАРА СТЕПИ»	6
«МОЛИТВА МАТЕРИ. Степь помнит всё»	9
1.	10
2.	12
3.	14
4.	16
5.	18
6.	20
7.	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Цецен Балакаев

Четыре дара степи.

Притчи и сказания

Калмыцкой степи

Цецен Балакаев

ЧЕТЫРЕ ДАРА СТЕПИ

Притчи и сказания Калмыцкой степи

Предисловие

Степь не говорит громко. Она шепчет – ветром в ковыле, скрипом верблюжьей арбы, молчанием старца у потухшего костра. Тот, кто спешит, слышит только свист ветра. Тот, кто останавливается, слышит **истину**.

Эта книга родилась не за письменным столом. Она родилась в белых кибитках, у солёных колодцев в ночи, когда Млечный Путь похож на брошенный аркан небесного всадника. Мы, калмыки – дети вечной синевы и вечной тишины – никогда не записывали своих притч и сказаний. Мы переливали их из уст в уста, как чай из пиалы в пиалу, чтобы не обжечься, но согреться.

Здесь собраны Четыре дара степи: **терпение**, которое древнее гор, **молитва**, которая легче пуха, но держит небо,

легенда, в которой оживают боги, и **тишина**, где рождается утро.

Читай не спеша. Представь, что ты сидишь напротив беловласого ламы, а между вами – только пар от горячего калмыцкого чая. Эти истории не надо запоминать. Их надо **почувствовать** – как чувствуют росу босые ноги на рассвете.

Пусть каждая страница станет для тебя тем самым светлым утром, когда даже горечь солёного колодца превращается в мёд.

Степь помнит всё. А что помнит она – хранит эта книга.

«ЧЕТЫРЕ ДАРА СТЕПИ»

Калмыцкая притча

Надежде Алексеевне, чьи руки полны добра

Старый человек, чья речь тяжела, как колодезный камень, и сладка, как парное молоко, рассказывал эту притчу.

Однажды в пору, когда ковыль напоминает седую овечью шкуру, а небо похоже на дно пересохшего озера, шёл по степи путник. Он был так стар, что саранча обгоняла его. Он был так одинок, что даже его собственная тень сворачивалась и уползала прочь к закату.

Три дня он не встречал ни дыма кибитки, ни следа скота. Вода в бурдюке кончилась, и язык его стал похож на кусок выделанной кожи – твёрдый и безжизненный.

К вечеру он увидел впереди богатый хотон. Белые флаги хий мёрин хлопали на ветру, будто звали гостя. Но хозяева, завидев тощего старика, опустили тяжёлые кошмы над входом.

– Уходи, – сказал ему первый. – В нашем доме нет места для чужих теней.

– У нас самих молоко скисло от горя, – сказал второй.

Старик сел на сухую землю, понимая, что это – конец его пути. И тогда, когда он закрыл глаза, безмолвная степь нача-

ла своё колдовство.

Сначала пришёл **Ветер**.

Он не дул в лицо и не гнул травы. Он очень нежно, так, как мать поглаживает больную голову ребёнка, сдул песок с его век. А потом ветер шепнул: *«Вставай. Твоя смерть приходит только на ходу»*.

Потом пришло **Солнце**.

Но это было не то жестокое солнце полудня, что выжигает глаза. Вечернее солнце опустилось так низко, что коснулось плеча старика. И старик почувствовал тепло, которое не жжёт, а держит – так держат за локоть, когда переходят вброд холодную реку. Солнце налило ему в ладонь невидимый кумыс, и силы вернулись.

Но главное произошло, когда стемнело.

Из чёрной бархатной темноты степи выплыл **встречный всадник**. Старик не слышал топота копыт, потому что это был дух-хранитель, сотканный из пыли и добрых слов предков. И этот всадник не дал ему ни воды, ни еды. Он спешил, молча сел рядом и произнёс одно-единственное слово:

– **«Байртав»**.

И в этом коротком, будто выдох, слове было всё: признание того, что старик – человек, уважение к его сединам и обещание, что он не один во всей Вселенной.

Утром путник открыл глаза. Он был жив. Рядом, на месте,

где сидел всадник, рос маленький зелёный росток – единственное растение на протяжении дня пути.

Он встал и вернулся в становище.

Скупые соседи спросили:

– Кто тебя спас, старик? Чья рука подала тебе пиалу?

Старик рассмеялся – впервые за сто лет – и ответил:

– Рука с пиалой зарыта в песок. Но Степь расстелила мне постель, Солнце согрело поясницу, Ветер унёс мой страх. А **Доброе слово** смыло ржу всех замков на ваших дверях.

С тех пор калмыки говорят: если у тебя нет ничего, кроме языка – стань человеком. *Одинокий путник умирает не от голода, а от тишины вокруг. Ибо милосердие – это когда ты протягиваешь руку не той ладонью, что берёт, а той, что желает добра.*

**«МОЛИТВА МАТЕРИ.
Степь помнит всё»**

Светлой памяти тётки Булдан и её младшей сестры Цаган-Сар, моей мамы

1.

В доме пахло сухой полынью и топлёным маслом.

Старая Булдан сидела у раскрытого окна, хотя за окном была не улица, а бескрайняя калмыцкая степь, уходящая к горизонту, где небо сплавлялось с землей в молочной дымке. Она перебирала чётки из сандалового дерева – эрк – и губы её беззвучно шевелились. Молитва была древняя, как эти холмы, и тихая, как дыхание спящего младенца.

Напротив, на низенькой табуретке, сидел её внук Баир. Ему было двадцать три, но сейчас, слушая бабушку, он чувствовал себя маленьким мальчиком, который боится грозы. Баир приехал из города – шумного, жестокого, чужого. Он приехал, потому что сломался. Потому что знания, данные ему университетами и книгами, рассыпались в прах перед лицом обычной человеческой тоски.

– Бабушка, – сказал он, наконец, нарушая тишину. – Я не верю.

Булдан не остановилась. Её пальцы продолжали свой вечный бег по бусинам.

– Во что ты не веришь, мой маленький волчонок? – спросила она, не открывая глаз.

– В молитву. В то, что кто-то там наверху... слышит. Я учёный. Мне нужны доказательства.

Булдан открыла глаза. Они были выцветшими, но остры-

ми, как лезвие старого клинка. Она посмотрела на внука, и в этом взгляде было то, что он никогда не мог понять – знание, не требующее доказательств.

– Садись ближе, – сказала она. – Я расскажу тебе, что такое *молитва матери*. Не ту, что пишут в книгах. А ту, что идёт из костей.

2.

– В калмыцкой степи, – начала Булдан, – нет ничего лишнего. Здесь каждая травинка знает своё место. Здесь ветер помнит имена всех, кто когда-либо пас скот на этой земле. Мы, калмыки, не отделяем мир живых от мира мёртвых. И уж тем более – мать от дитя.

Она замолчала, собираясь с мыслями.

– Ты знаешь, кого мы называем *Дар Эк*? Нет, ты знаешь только слово «Тара». Буддийская богиня. Но для нас она – не просто богиня. В нашем языке *Дарк* родилось из двух слов: *Дара* и *эк*. Мать. Не покровительница. Не абстрактная сила. Именно Мать. Такая же, как я, как твоя мать, которая умерла, когда ты был слишком мал, чтобы запомнить её лицо.

Баир вздрогнул. Он не помнил матери. Только запах – молоко и полынь. И ещё тепло. Всепрощающее, огромное тепло, которого ему так не хватало в бетонных коробках города.

– Говорят, – продолжила Булдан, – что у Тары двадцать одно проявление. Двадцать один способ спасти своё дитя. Иногда она гневная – как тигрица, защищающая детёныша. Иногда тихая – как луна над сонным улусом. Но суть одна: она не ждёт, пока ты станешь святым. Она слышит тебя в тот самый миг, когда твоё сердце сжимается от боли за того, кто уходит в темноту.

– Ты говоришь загадками, – нахмурился Баир. – При чём

здесь знание? Я прочитал сотни книг по физике и биологии. Там нет места молитвам.

– Ах, знание... – усмехнулась бабушка. – Знание, которое не прошло через сердце, – это пыль. Ты думаешь, твои учебники – это знание? Нет. Это информация. А знание – это когда твоя душа вспоминает то, что было до твоего рождения.

Она встала, прошла к старому сундуку, обитому железными полосами, и достала оттуда пожелтевший лист бумаги. Бумага была исписана вертикальными строчками на тибетском и калмыцком. Баир узнал: это была та самая молитва, которую бабушка шептала по вечерам.

– Читай, – сказала она, протягивая лист. – Не губами. Мозгом. Вот тут.

Она ткнула пальцем в строку:

«ОМ ТАРЕ ТУТТАРЕ ТУРЕ СВАХА»

– Что это значит? – спросил Баир.

– Это не значит. Это действует, – ответила Булдан. – Это не перевод с одного языка на другой. Это перевод с языка земли на язык неба. Когда ты произносишь эти слоги, ты не просишь. Ты становишься. Становишься эхом древнего обещания, которое Тара дала всем живым существам: «Я не успокоюсь, пока каждый из вас не переплывет океан страданий».

3.

Ночь опустилась на степь стремительно, как сокол на зайца.

Баир не спал. Он сидел на крыльце, глядя на Млечный Путь, который здесь был не тусклой полосой, а пылающей рекой из миллиардов солнц. В городе он забыл, как выглядят настоящие звезды. Там небо – это потолок. Здесь небо – это бездна, зовущая предков.

В голове крутилась фраза из бабушкиной молитвы: «*Хамг йилһсдын нуднэ өмн седкл үүскн...*» – «Ты, развившая святое намерение перед лицом всех Победоносных...»

Что значит «святое намерение»? В университете ему говорили: намерение – это цель, проект, план. Но здесь, под звёздами, он вдруг понял, что ошибался. Святое намерение – это когда ты говоришь не «я хочу получить», а «я хочу быть мостом».

Бабушка вышла к нему, кутаясь в старый халат.

– Не спится, волчонок?

– Бабушка, а ты веришь, что молитва может спасти человека от смерти?

Булдан села рядом. Её лицо в свете звёзд казалось древним, как сама степь.

– Смотря от какой смерти, – ответила она. – От смерти тела – нет. Тело смертно. Его съедят черви, или огонь, или

земля. Но есть другая смерть – когда человек теряет себя. Когда он забывает, зачем пришёл в этот мир. Вот от такой смерти молитва спасает всегда.

Она взяла его руку – сухую, горячую, с вздутыми венами.

– Твоя мать, когда умирала, не плакала. Знаешь почему?

Потому что она читала эту молитву. Не за себя. За тебя. Она говорила: «*ОМ ВИЛОКАЯ БАИР БХАГАВАТЭ ТАРЕ...*» – «О, смотри сюда, Мать Тара, вот имя моего сына. Забери мою жизнь, но дай ему пройти через тьму».

Баир замер. В груди что-то оборвалось.

– Она... она правда так сказала?

– Она так дышала, – поправила Булдан. – Последние три дня она не говорила – она пела эту мантру. И когда ты родился, ты не плакал. Ты улыбнулся. Повитуха испугалась, думала – знак. А я поняла: это Тара приняла твою мать в свои объятия и поцеловала тебя через неё.

4.

Наутро Баир проснулся от странного звука. Будто тысячи голосов шептали что-то на непонятном языке. Он вышел в степь и увидел: бабушка сидит на холме, развернувшись лицом к восходящему солнцу, и читает ту самую *дхарани* – длинную, со странными слогами, которые не перевести, а только прочувствовать.

«ТАТЪЯТХА. ОМ ТАРЕ ТАРАЙЕ. ХУМ ХУМ ХУМ. СА-МАЯ СТХИТЭ...»

Звук лился не из горла – из самой земли. Баир подошёл ближе и сел рядом, не мешая.

Потом, когда солнце уже оторвалось от горизонта, Булдан замолчала и повернулась к нему.

– Ты хотел доказательств? – спросила она. – Смотри.

Она указала на цепочку холмиков, уходящую к старому кургану.

– Что это? – спросил Баир.

– Это следы наших предков. Каждый холмик – это место, где когда-то стояла кибитка. Здесь жили мои прабабка и прадед. А вот там – их родители. А вон там, за курганом, – те, кто пришли из самой Джунгарии четыреста лет назад.

– Но при чём здесь молитва?

– При том, – строго сказала Булдан, – что каждый вечер, на протяжении трёхсот лет, женщины нашего рода читали

эту молитву. Одни и те же слова. Одни и те же слоги. Ты думаешь, звук исчезает? Нет. Он остаётся в земле. В камнях. В воздухе. И когда ты сейчас прочитаешь «ОМ ТАРЕ», ты не один. С тобой прочитают это все умершие матери нашего рода. Их голоса сложатся в один хор. И тогда – тогда Тара услышит не одного слабого человека, а целую реку предков, которая течёт из прошлого в будущее.

Баира затрясло. Он вдруг остро, физически ощутил: под его ногами – кости. Кости тех, кто любил, страдал, молился, умирал и рождался заново. И все они – его семья.

– Научи меня, – прошептал он.

– Я уже учу, – ответила Булдан. – Ты только что начал понимать.

5.

Прошло три дня. Баир учился молитве не как тексту – как дыханию.

Он узнал, что каждый слог имеет вес. «ОМ» – это тело, речь и разум в единстве. «ТАРЕ» – это освобождение. «ТУТ-ТАРЕ» – это защита от страха. «ТУРЕ» – это быстрый путь.

– Почему «быстрый»? – спросил он.

– Потому что у матери нет времени думать, – ответила Булдан. – Когда твой ребёнок падает в пропасть, ты не размышляешь. Ты прыгаешь. Тара – это прыжок. Мгновенный. Безоговорочный.

Она рассказала ему историю о 21 проявлении Тары. О зелёной Таре, которая спасает от страха перед водой и огнем. О белой – дарующей долголетие. О красной – укрощающей злых духов. О синей – уничтожающей невежество.

– Самое опасное чудовище, – сказала Булдан, – это не волк и не змея. И даже не враг с саблей. Самое опасное – это *авидъя*, неведение. Когда ты не видишь, что ты – часть всего. Молитва разрывает эту тьму. Она как молния. На миг становится светло, и ты понимаешь: ты никогда не был один.

В ту ночь Баиру приснился сон.

Снилась ему бескрайняя степь, а над ней – женщина. Необычайной красоты, с зеленоватой кожей, как трава после дождя. В одной руке у неё был цветок лотоса, в другой – меч.

Она смотрела на него с такой любовью, от которой болело сердце.

«Мама?» – спросил он.

Женщина улыбнулась и покачала головой. «Я – не только твоя мать. Я – мать всего. Но я слышала её молитву. И я пришла сказать тебе: ты на правильном пути».

Она протянула руку, и Баир увидел у неё на ладони маленький огонёк.

«Что это?» – спросил он.

«Это знание, – ответила она. – Не то, что лежит в книгах. То, которое горит. Бери».

Он проснулся с мокрыми от слёз щеками.

6.

Утром бабушка Булдан сказала:

– Сегодня ты будешь читать сам.

– Я не готов, – испугался Баир.

– Готов тот, кто признаёт свою неготовность, – парировала бабушка. – Садись. Закрой глаза. Представь, что все твои предки стоят за твоей спиной. А впереди – все, кто придёт после тебя. И начни.

Баир глубоко вздохнул. Язык казался чужим, непослушным. Первые слова выходили хриплыми, неуверенными.

«Хамг бурхн бодьсадванрт мургмү...»

Но на третьем слогe что-то изменилось. Звук пошёл не из горла – из живота. Из костей. Из той самой земли, о которой говорила бабушка.

Он почувствовал, как за его спиной вырастают тени. Нет, не страшные. Родные. Женщины в старых одеждах, мужчины с мозолистыми руками, дети, умершие во время джутов. Они не мешали. Они дышали в унисон с ним.

«...ОМ ТАРЕ ТАРАЙЕ. ХУМ ХУМ ХУМ...»

Слоги складывались в мандалу звука. Баир перестал понимать, где заканчивается он и начинается степь. Ветер подхватил его голос и понёс ввысь, к тем самым звёздам, на которые он смотрел в первую ночь.

«...САМАЯ СТХИТЭ. ДХАРА ДХАРА...»

И вдруг он увидел.

Не глазами – всем существом. Он увидел нити, которые связывают всё живое. Каждая нить – это молитва. Чья-то радость, чья-то боль, чьё-то «помоги». И все они сходились в одной точке – в сердце той самой Женщины, которую он видел во сне. Она сидела на троне из лунного света и слушала. Не одного его – всех. Одновременно.

«...БХАГАВАТЭ ТАРЕ. ХРИМ ХРИМ ХРИМ ПХАТ СВА-ХА».

Последний слог упал в тишину, как камень в воду. Круги разошлись, и всё стихло.

Баир открыл глаза. Он плакал. Бабушка Булдан тоже.

– Теперь ты знаешь, – сказала она.

– Что я знаю? – прошептал он.

– Что молитва матери – это не просьба. Это констатация факта. Ты уже спасён. Ты всегда был спасён. Тебе нужно было лишь вспомнить.

7.

Баир прожил в степи ещё месяц. Он помогал бабушке по хозяйству, пас коров, учился резать барана по обычаю и разжигать огонь без спичек. Но главное – каждое утро и каждый вечер он читал *ТӘРНЬ*. Не механически. С каждым разом всё глубже, всё тише, всё сильнее.

Перед отъездом бабушка Булдан дала ему тот самый пожелтевший лист.

– Возьми. Это твоё теперь.

– А как же ты?

– Мне уже не нужна бумага, – улыбнулась она. – Молитва теперь у меня в крови. И у тебя – тоже.

Она обняла его. Сухая, маленькая, но невероятно сильная.

– Помни, волчонок. Когда тебе будет страшно, не кричи. Не зови на помощь. Просто сядь и прошепчи «ОМ ТАРЕ ТУТТАРЕ ТУРЕ СВАХА». И ты услышишь, как тысячи голосов повторят за тобой. Это мы. Твои предки. Твои матери. Мы всегда рядом. Потому что молитва – это не звук. Это любовь, которая победила время.

Баир вернулся в город другим человеком. Он не стал монахом. Он не бросил науку. Но теперь, заходя в аудиторию к студентам, он смотрел на них не как на объекты для обучения, а как на живые души, каждая из которых ищет свою

Тару, свою мать.

И иногда, когда в аудитории наступала тишина, он тихо, одними губами, произносил:

«Гетлггч Дара эkd мүргн сөгдмү...»

Перед тобой, Освободительница Мать Тара, я склоняюсь в поклоне.

И в этот миг за его спиной вырастала степь. Бескрайняя, мудрая, живая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.